

веке осмысленной как конец проекта Модернити, к планетарной модели через признание множественности разных, фактически неравноправных культурных моделей мира и человека. Создание такой модели возможно при использовании феноменологической и культурно-антропологической методологии.

Если исходить из того, что культура — не локализованная в определенном пространстве-времени целостность, а сети смыслов, непрерывно переопределяемые через слова и поступки людей, тогда система универсалий культуры будет представлять собой непрерывно конструируемую, внутренне противоречивую демаркацию границ внутри культурных горизонтов различных сообществ, как феноменологических, так и социальных.

В. Н. Кардапольцева
Екатеринбург

«СЕРДЕЧНОСТЬ» И ПРАГМАТИЧНОСТЬ КАК ЖЕНСТВЕННОСТЬ И МУЖЕСТВЕННОСТЬ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Женственность, как и мужественность, это не биологические факты, а культурно-специфические убеждения индивида, которые организуют его социальную практику тем или иным подобным образом. Социальная модель женщины и/или мужчины женственности и/или мужественности, создается (конструируется) культурой и в культуре, определяя их положение и роль в обществе (семье, образовании, религии, экономике, политике и т. д.).

Аксиомой в настоящее время можно считать, что различия по признаку пола не заданы и не закреплены природой; они осуществляется человеком, изменяются и формируются (конструируются) вместе с культурой в процессе социализации, являясь культурным и социальным конструктом. Антропологи, этнографы, историки, социологи, рассматривая различия социальных ролей, существующие в разных обществах с точки зрения пола, не без основания утверждают, что биологический пол не может быть основным объяснением жесткой социальной дифференциации, хотя не учитывать этого фактор, тоже было бы ошибочным.

«Сердечность» и прагматичность как своеобразные антитезы достаточно продуктивно рассматривать в русле мужественности и женственности в качестве социокультурных конструктов, формирующихся в результате множества факторов, в числе которых

временные, национально-этнические, религиозные, политические, субкультурные, семейные и пр. В данной работе в большей степени акцентируется внимание на *женственности* как социокультурном конструкте.

«Мужественная женственность» — это не оксюморон, а реалии российской действительности. Обращаясь к историографии, можно обнаружить множество высказываний представителей «сильного пола», подчеркивающих подобное явление. Хрестоматийной является фраза Н. А. Некрасова о способности женщины к укрощению не только самых неуправляемых животных, но и огня. Познакомившись с работой прославленной советской летчицы М. Расковой, командир ее отделения пришел к выводу: «Женщины в нашей стране могут быть летчиками не хуже мужчин». «Лучшие мужчины — это женщины», — подтвердил поэт Евтушенко эту мысль в известном стихотворении «Женщины». Тему о способности женщины к укрощению продолжают кинематографисты, в ряду наиболее примечательных: «Укрощение тигров», «Полосатый рейс», «Оптимистическая трагедия», «Любовь Яровая», Москва слезам не верит» и множество других. Однако, репрезентируя женственность в подобных, казалось бы, неженственных проявлениях, авторы создают образы, актуализируя такие атрибуты женственности, как сердечность, заботливость, в отличие от прагматичности, жесткости, атрибутируемых собственно мужественности.

Подобное проявление мужественной женственности закономерность или особенность ветров времени, влияющих на ролевое самовыражение? Однозначно на этот вопрос ответить нельзя. На форму саморепрезентации и самореализации личности, влияет множество факторов, в числе которых, религия, нация, этнос, политика, государство, искусство, семья, все то, что составляет социальное конструирование, которое осуществляется посредством разных институциональных каналов.

Теорию социальной конструкции развивают в своей работе «Социальное конструирование реальности» американские социологи Бергер П., Лукман Т., основное положение которой гласит, что индивид в процессе социализации, продолжающейся всю жизнь, усваивает и воспроизводит общественно сконструированные образцы поведения, воспроизведения, оценивания (2). Универсальных гендерных (социополовых) ролей для мужчины и для женщины не существует. Одна из известных антропологов, американский этнограф Маргарет Мид в работе «Пол и темперамент» развенчала убеждения о том, что мужчины и женщины от «природы» созданы для выполнения определенных ролей. В каждом из изу-

чаемых ею обществе Новой Гвинеи мужчины и женщины выполняют разные роли. Она убеждена, что сексуальные роли складываются на основе культурных и социальных особенностей, а не «естественного порядка вещей» (3). Эту же мысль обосновывает в своем фундаментальном труде «Женщина» немецкий исследователь-этнограф Г. Плосс.

Не вызывает сомнения, что понятия «женщина», «женственность», в равной степени как и мужчина, «мужественность», не идентичны не только в словообразовательном аспекте, но и в содержательном плане. Рассматривая женственность / мужественность как научные категории, можно обнаружить множество попыток дать им определения специалистами разных научных областей, в числе которых философы, психологи, культурологи, социологи, искусствоведы, литературоведы. Одна из немецких исследовательниц Е. Имендерфер отмечает: «Будучи связанной с разными аспектами эволюции общества и его менталитета, категория женственности, как и ее антиномия — мужественность, отражала не только шкалу ценностей общества, но и степень его прогресса и демократизации. Даже самые примитивные, бытующие представления о женственности и мужественности отражают сложный комплекс идей не только о предназначении женщины в социуме, не только формируют ее права и обязанности, но и задают поведенческие нормы, то есть вырабатывают те ритуально-эстетические формы, которые должна использовать женщина, дабы соответствовать социальным императивам этой категории» (4). В настоящей работе *женственность, как и мужественность понимается как конструкт, сформированный культурой общества на определенном этапе его развития, укореняемый культурой в процессе социализации личности и формирующийся в результате разнообразных факторов, в числе которых социальные, индивидуальные, идеологические, политические, этнические, религиозные, этические и прочие, всего того, что складывается и изменяется в процессе исторического развития общества.*

Особенно значимы в формировании женственности / мужественности возможности культуры, в частности литературы, что наиболее очевидно на примере отечественной литературы, которая во все времена отличалась публицистичностью и декларативностью, сердечностью и прагматичностью.

В одной из статей о *стилях* в искусстве читаем, что «основная идея *модерна* — соразмерность нового искусства «человеку в пиджаке», то есть стилю приватной жизни. Отсюда особая комфортность модерна, красота предметной среды, окружающей чело-

века, его «избыточный» эстетизм. Отсюда его *женственность*, по-декаденски *хрупко-изнеженная или демонически роковая, его культ прекрасной дамы*, его насыщенность загадочными образами-символами: это и лилия, и орхидея, и водоросли, и женская фигура. Живопись модерна ориентирована на замедленное рассматривание, любование, даже смакование художественного приема» (7). Если женственность в искусстве нередко ассоциировалась с красотой, загадочностью, хрупкой изнеженностью, а в литературе с сердечностью, терпеливостью, заботливостью, то мужественность — с прагматичностью, расчетливостью, жесткостью, суровостью.

В обществе женственность, как правило, отождествляется с «женским» и означает снижение социального и культурного статусов, традиционно воспринимаясь как культурно вторичный феномен по сравнению с мужественностью. «Женское» по сложившейся повсеместно традиции оказывается за границами нормы. То есть стереотипное понимание женственности связано, прежде всего с неравенством, которое во многом обусловлено биологическими различиями между мужчинами и женщинами. Именно на репродуктивных функциях строятся большинство умозаключений, где оппозиция женского и мужского становится оппозицией природного и культурного, суть женственности традиционно связывается с внешней привлекательностью, кротостью, несамостоятельностью, послушанием, излишней сердечностью. Такие социальные институты, как церковь, поддерживали и, более того, насаждали зависимое положение женщины, вторичность ее социальных ролей, тем самым выстраивая гендерную систему власти и подчинения.

Хотя обращение к истории Средневековой Руси доказывает, что с точки зрения стратификационной, не всегда наблюдалось приниженное положение женщины. В определенные периоды истории России роль женщины была достаточно весома, требуя от нее прагматизма и расчетливости. Например, в докиевскую эпоху, как свидетельствуют многие исторические тексты (Е. Вардиман, И. Забелин, С. Кайдаш, В. Михневич, Н. Пушкирева, Б. Рыбаков, Г. Тишкин и мн. др), женщина обладала достаточно высоким статусом и престижем, властью и правами, включая возможность участвовать в военных действиях. Репрезентацию женственности/мужественности в истории культуры можно рассматривать исходя из разных оснований, в числе которых: историко-культурное развитие общества; субъектно-объектные отношения в семье; социально-ролевая презентация в обществе; социально-классовая представленность; художественно-эстетическая репрезентация в качестве объекта творческого воплощения в литературе, живописи

скульптуре; нравственно-этический аспект на уровне символическо-семиотическом: «вавилонская блудница», великая грешница, Святая Магдалина, Святая Мария, Великая Праведница; философско-символический аспект: Вечная Женственность, София — Премудрость Божья, Прекрасная Дама, Мать Сыра Земля, Родина-Мать и т. д. Все обозначенные аспекты взаимосвязаны и взаимообусловлены.

«Чадолубие», сердечность — наиболее одобряемые черты «доброй жены». Мать-Богородица воспринимается как чадолубивая защитница православных не только от врага, но и от сурового Отца-Бога. Она «противостоит небесному Царю и своему сыну как Матерь милосердия, как Заступница». Уже на уровне ранних текстов обнаруживается иерархичность статусных предписаний мужчины и женщины. Но в то же время наблюдается необходимость не только отцовского, но и материнского влияния на детей признается в сочинениях многих авторов.

Переломным, бунташным веком считается XVII, когда нарушались привычные устои общества, но в то же время достаточно еще были крепки старые каноны. Шел активный процесс «обмирщения», разрушения традиционного средневекового мировоззрения, отразившихся и на вопросах пола. Формировались новые идеалы и представления, моральные и этические нормы и вкусы, вступавшие в противоречие с аскетическими канонами, утверждавшимися церковью. Однако позитивные изменения касались в основном мужчин. Если в среде дворянства стала заметно распространяться грамотность, то чрезвычайно слабо это наблюдалось среди женского населения; даже в семьях знати и крупного купечества женщины, как правило, были неграмотны. Их место было в девичьей в стороне от чужих глаз. В то же время женщина становится объектом изображения в литературе (Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Горе-Злочастии»), которая сыграла огромную роль в понимании культурного конструкта женственности/мужественности, углубив и актуализировав эти понятия, во многом определив становление и самоопределение женщины как личности. В середине XVII века появилась первая биографическая повесть как новое жанровое приобретение XVII столетия, посвященное женщине. Это «Повесть об Улиании Осоргиной», написанная муромским дворянином Дружиной Осорьиним, сыном Улиании. Автор создает образ энергичной и умной женщины, образцовой жены и хозяйки, сочетающей в себе и сердечность и *некий* прагматизм. Это первая в русской литературе биография женщины-дворянки.

XVIII век дал России представление о женственности в самом широком контексте. Деятельность женщины обнаруживалась в

разном качестве: домовитой хозяйки и властной помещицы, писательницы и ученой, артистки, благотворительницы и религиозной отшельницы. Это женщина-мать, хозяйка, чадолюбка, милосердница, опора мужу, но в то же время деловитая, властная, самоуверенная, неуправляемая. Но при всем кажущемся полифонизме восприятия женственности главным и доминирующим в российской культуре просвещенного XVIII века оставался культ матери и ее чадолюбие, сердечность, что характеризовало и крестьянку, и новоиспеченную дворянку.

Начало XIX века ознаменовано активной салонной (приватной) жизнью. Традиционно отношения между родителями и детьми в дворянском обществе складывались отнюдь не на уровне взаимопонимания и привязанности, в особенности между матерями и дочерьми. Мать, по обыкновению не найдя ответного чувства в муже, пыталась найти его в сыне, но не в дочери, «женщина, не имевшая, как правило, глубокой привязанности к своему мужу, находила ей компенсацию в любви к сыновьям». Многие теоретики утверждают, что с распространением идей просвещения в русском обществе внутрисемейные отношения стали меняться в лучшую сторону, что особенно коснулось отношений между матерями и дочерьми. Русские женщины, не имея возможности изменить свою судьбу, пытались это сделать для своих дочерей, воспитывая в них самостоятельность, поддерживая интерес к образованию, ориентируя их на самостоятельную деятельность.

Процессы социальной мобильности женщин, которые имели место в русском образованном обществе, начиная с конца 50-х годов XIX века, принято обозначать как процессы женской эмансипации, развивающиеся в русле общих процессов либерализации русского общества. Личность и идеи дерзкой и смелой француженки Жорж Санд, поставившей вопросы о праве женщины на свободу чувств, сыграли огромную роль в появлении и распространении в России XIX века идей о самоценности и независимости женской личности. Образ яркой, активной, сильной женщины, описываемый не раз в романах Ж. Санд, сформировал в сознании многих российских женщин новую социальную репрезентативность, сочетающую сердечность с прагматизмом. В истории русской классической литературы дискурс женственности, соответствующей этой иной модели, прослеживается в таких разных по времени произведениях, как «Бедная Лиза», «Вечера на хуторе близ Дикашки», «Кроткая», «Идиот», «Крейцера соната», «Отец Сергей», «Леди Макбет Мценского уезда» и многих других. «Именно под влиянием французской романистки многие русские писатели обратились «к женс-

кому вопросу». А. Герцен, А. Дружинин, А. Писемский, А. Островский, Н. Некрасов, В. Белинский образуют в русском обществе 1840 — 1850-х годов направление, которое можно было бы назвать «неофеминизмом», как отмечает американская исследовательница Каролина де Магд-Соэп. Поэма Некрасова «Саша» — своеобразный призыв к молодому поколению. Одна из известных революционерок Вера Фигнер писала, что эта поэма учила, как жить, к чему стремиться, как согласовать слово с делом.

Широкое движение женщин за равноправие, выразилось в борьбе за доступ к образованию, за право на профессиональный труд, инициированное социальными потрясениями эпохи. Западный феминизм, распространившийся в России в ходе европеизации российского общества, и российский нигилизм, сыграли большую роль в развитии женского самосознания, став выражением умонастроений разночинцев, их реакцией на сложную социально-экономическую ситуацию в стране. Женщина наравне с мужчиной стала заниматься предпринимательской деятельностью, прагматизм брал верх над сердечностью. При этом участие женщин в предпринимательской деятельности, имевшее место и в дореформенное время, воспринимались как нечто естественное, как жизненная необходимость, как стремление обеспечить достойную жизнь себе и своим детям. Наиболее интенсивно процесс втягивания женщин в рыночные отношения и изменение их социальной психологии проходил в столичных городах, где роль женщин в общественной и культурной жизни была традиционно велика. В Москве и Санкт-Петербурге проживали представительницы наиболее влиятельной аристократии, финансово-промышленных семей и интеллигенции. Жительницы столичных городов существенно отличались от провинциалок, живших в условиях сохранения патриархальных традиций, жестко регламентированных норм поведения. В результате накопления опыта в разных сферах и процессах общения формировалась женственность, которая идентифицировалась не со статусом домашней работницы, а общественницы, что особенно обнаружилось в первые годы Страны Советов. Однако в целом стереотип дореволюционного периода предполагал в качестве положительных образцов сильного доминирующего мужчину и слабую, зависимую, пассивную женщину, непротивление злу воспринималось в качестве главной добродетели женственности, порицая при этом авторитаризм хозяйки дома и слабость мужчины. Мужчина, не способный подчинить женщину, наделенный сердечностью, оценивался как несостоятельный в социальном плане хозяин дома.

«В советском обществе парадоксально-зловещим образом осу-

ществилась ленинская мечта: кухарка стала править государством. Многие проблемы духовного и социально-экономического кризиса России можно объяснить именно этим фактором, этой «формой правления». Советское общество — это в некотором роде псевдоматриархальная антиутопия, ибо это не общество, а одна огромная кухня», — подчеркивает Т. Горичева в своей несколько шокирующей публикации (8). По справедливому замечанию исследовательницы, на смену семейному патриархату приходил патриархат «вождей», диктат государства и партии, требующий жесткого прагматизма.

Уравнение женщины в правах было одним из самых наглядных лозунгов революции и в то же время утопии. Женщина обгоняла мужчину в труде и социальном статусе, становясь «самой передовой», меняется социокультурное конструирование женственности. Огромная роль в этом плане принадлежит литературе. Говоря о значимости литературы в освоении и развитии культурного конструкта женственности следует иметь в виду две стороны явления. С одной стороны то, как литература презентировала женщину в качестве *объекта* изображения, в «оболочке» литературного образа, какие роли женщины репрезентировались в качестве основных, пути и формы женской идентификации (авторами-создателями того или иного образа являлись как женщины, так и мужчины; второе — предпочтительнее). С другой стороны, *субъектность* женщины в литературе, ее саморепрезентативность в художественном процессе, то, как она себя реализует в качестве творца-демиурга.

Несмотря на то, что женское литературное творчество имеет в России богатую историческую традицию, связанную с именами Екатерины II. А. Панаевой, Е. Ган, Н. Дуровой, М. Жуковой, А. Бунинной, В. Фигнер, А. Мирэ, Л. Зиновьевой-Аннибал, З. Гиппиус и мн. другими, но лишь в середине 80-90-х гг. XX века женская проза оформилась в самостоятельное женское течение, объединив писательниц разных поколений, разных по жизненному опыту, иногда диаметрально противоположных по взглядам и художественным пристрастиям (Л. Петрушевская, Т. Толстая, Л. Ванеева, В. Нарбикова, Н. Садур, Н. Горланова, М. Палей, Е. Тарасова, Н. Габриэлян, Л. Фоменко, И. Полянская, С. Василенко, О. Татарина, Т. Набатникова и многие другие). Многие из них приобрели статус отечественной классики. Тем не менее, постоянно встает вопрос о правомерности существования сферы женственного в искусстве, литературе в частности.

Если в ранних литературных памятниках смысл женского бытия, ее мир, как правило, регламентировался нормами, законами, тра-

дициями, сложившимися веками, то с появлением женского голоса на литературном горизонте, она сама выбирала для себя философию жизни, пропагандируя свое собственное понимание сути бытия, стараясь сделать все, чтобы ее голос был услышан и понят. Однако, каким бы общественно-идеологическим содержанием не было бы наполнено произведение, какое бы ведомое место не отводилось женщине в ходе идейного движения, ценность российской женственности в основном связывалась с такими ее качествами, как домовитостью, хозяйственностью, чадолубием, где сердечность воспринималась как основное свойство. Роль хранительницы домашнего очага — одна из традиционно доминантных форм идентификации женщины на страницах отечественной прозы. «Милосердие начинается дома», — мысль, которую несет классик русской литературы Л. Н. Толстой и которая проходит через все его произведения. Дом — символ защищенности от всех бурь. Женщина как хранительница домашнего очага — цементирующий центр и опора семьи, от нее зависит настоящее и будущее домочадцев и ее собственное. Мысль, которая неоднократно подчеркивается отечественными философами. В. Розанов замечает: «Муж есть глава дома... Но хозяйкой его бывает жена. Жена входит в дом мужа как ласка и нежность...» (10). Тема дома и бездомья — одна из сквозных в русской литературе, где заглавная роль принадлежит женщине и женственности, благодаря ее ласке, сердечности. Нравственная философия Пушкина, Гончарова, Толстого не утратила своего значения и сегодня, множество произведений XX века тому пример, в числе которых «Прощание с Матерой» В. Распутина, где в образе бабки Дарьи актуализируется сердечное «уважение к минувшему», отвергающее холодный прагматизм и бессердечие.

Многочисленные реформы, осуществляемые в современной российской социокультурной ситуации, во многом затрагивают и социокультурные проблемы пола. Именно женщинам пришлось взять на себя основную ответственность за выживание и адаптацию семей, во многих случаях отказавшись от работы, соответствующей их образованию и квалификации, вписав себя в модели, далекие от традиционно стереотипных. «Сердечность» и прагматизм вступают сегодня и в противоречия, и во взаимодействие, и нередко выступают как конфликтующие категории.

1. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 48.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 61.

3. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 87.

4. Имендерфер Е. Мемуары Надежды Мандельштам. «Литературное вдовство» как профессия и служба «его» творчеству // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века. Женская Информационная Сеть. <http://www/womnet.ru>

5. Краткая философская энциклопедия. М. 1994. С. 169.

6. Лоусон Т., Гэррод Д.. Социология. А—Я: Словарь-справочник / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. М., 2000. С. 37.

7. Фадеичева М. А. Стили в искусстве. План-конспект лекции для студентов. Реферат на ИПК УРГУ. Екатеринбург, 1994. С. 3.

8. Горичева Т. Ведьмы в космосе // Мария (Журнал российского независимого религиозного клуба «Мария») Ленинград-Франкфурт-на-Майне, 1981. №1. С. 9-13.

9. Бурдые Пьер Поле литературы, Новое литературное обозрение. 2000, № 45. С. 22-28. С. 87.

10. Розанов В. В. Возле «Русской идеи». М., 1990. С. 94.

Г. П. Ковалева
Кемерово

КАТЕГОРИЯ ДУХОВНОСТИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА

Категория духовности является одной из самых распространенных в русской философской и культурологической литературе. Однако до сих пор нет четкого философского определения духовности, различные авторы вкладывают в это понятие разный смысл. Одни утверждают, что духовность идентична нравственности, другие вкладывают в это понятие религиозный смысл и отождествляют ее с верой в бога; одни дают метафизическую трактовку духовности, другие рассматривают это понятие материалистически, как опыт, накопленный в результате познания, проявлений моральных, нравственных, культурных достижений отдельного индивидуума и общества в целом.

Духовность проявляется в жизни и деятельности человека. Мы говорим: человек духовный или бездуховный, оценивая знания и поступки человека. В связи с такой постановкой вопроса имеется следующее философское определение понятия «духовная жизнь» — это особая сторона общественной жизни, которая характеризуется тремя отличительными признаками: 1) основывается на формах, видах, общественного сознания; 2) включает определенный типы духовной деятельности; 3) институтоализированные подсистемы общества, в рамках которых создаются и распространяются духовные ценности [6, с. 20-21].